

нал не видел в современных ему изданиях греческих богослужебных книг. Оказалось, что хотя в пределах одной строфы разделенные точками отрезки имеют различную длину, соответствующие отрезки разных строф содержат одно и то же число слогов.¹⁸ Проверив это поразившее его открытие на широком материале, Питра сделал вывод: «Таков секрет гимнографов: пренебрегая многообразием классических размеров, отстраняя мимолетный нюанс длинных и кратких (гласных звуков, — Г. П.), вышедший, возможно, из употребления в народном произношении, они прибегли к элементу неизменяющемуся, видимому, явному — к числу слогов, каковое восторжествовало в поэзии всех современных языков».¹⁹

Помимо количества слогов в соответствующих строках строф, одинаковой оказалась система грамматических ударений, составляющая костяк тонического строя. При этом греческий гимн может быть написан либо гекзаметром (шестистопным дактилем), либо шестистопным ямбом (излюбленный размер Иоанна Дамаскина), либо логаядическим, т. е. прозаическо-стихотворным размером, где чередуются стопы дактиля и хорей, либо — и в этом суть дела — может не обнаруживать в пределах одной строфы никаких привычных нам формальных признаков стиха (рифма в любом случае, разумеется, отсутствует или случайна). Ритмичность строения текста выявляется в последнем случае лишь — как это сделал кардинал Питра — путем сопоставления строф друг с другом, — в их изоморфности.

Ясно, что одинаковые строфы пелись на один и тот же мотив. Очевидно, именно мелодия определяла подчас довольно странную, на наш взгляд, форму их текста (пример будет дан несколько ниже). При небыстром хоровом пении стихотворный размер, если он и присутствовал в гимне, не воспринимался на слух и потому был излишним. Гимнограф равно мог и приспособить свой текст к какому-либо из уже существующих мотивов, и создать для него свою мелодию. «Гимновосприемником» была система из восьми «гласов», кодифицированная, как полагают, в VIII в. Иоанном Дамаскиным, но гораздо более древняя, восходящая, по крайней мере, к музыке ранней церкви.²⁰

Переход от метрического к тоническому принципу стихосложения произошел, как сказано, на рубеже V и VI вв., с распространением в Византии формы кондака. Однако свое открытие кардинал Питра сделал на материале более поздней, чем кондак, гимнографической формы, в которой описанные особенности организации текста выступают, пожалуй, особенно наглядно, — на материале канона.

Канон (κάνων) возник в конце VII в. и быстро, вытеснив кондак, занял то значительное место в церковной службе, какое сохраняет по сей пору. (В форме канона написано большинство гимнов патриарха Филофея). Изобретение канона византийская агиография приписывает другому уроженцу Сирии, города Дамаска, Андрею Критскому (VII—VIII вв.), автору знаменитого Великого или Покаянного канона. Этот новый вид церковной поэзии достиг расцвета в VIII в. — в творчестве двух названных братьев, Иоанна Дамаскина и Космы Манумского, — и стал основным в послеиконоборческое время (группа авторов Студийского монастыря во главе с Феодором Студитом, Феофан Граптос, Иосиф Гимнограф и др.). Гимны, созданные в этот период (VIII—

¹⁸ В русских богослужебных книгах, как и в рукописях, кардинал мог видеть разделяющие текст гимна точки. Однако описанный изосиллабизм строк церковно-славянской гимнографии не свойствен. Подробнее речь об этом пойдет ниже.

¹⁹ T.-B. Pitra. Hymnographie de l'église grecque. Rome, 1867, p. 21.

²⁰ E. Wellesz. A History..., p. 156.